

Четверка пила до глубокой ночи. Смешав несколько видов алкоголя, все быстро захмелели и едва держались на ногах. Менеджер Линь Шань, проявив завидную предусмотрительность, снял для троих пентхаусы на верхнем этаже отеля «Лазурное море и облачное небо», а Лю Цзинжуя велел проводить в рабочий кабинет.

Фан Юю казалось, что сегодня его голова забита заботами сверх меры, иначе с чего бы от такой малости ему понадобилось чужое плечо? Юноша по имени Ци-Ци был худощав, ростом под метр восемьдесят, но тащил его на себе весьма усердно. Заметив, как парень приложил карту к замку, распахнул дверь и попытался увлечь его к постели, Фан Юй осторожно убрал свою руку с его плеча и мягко, но решительно разомкнул чужие объятия на своей талии. Шагнув к дивану, он тяжело опустился на подушки и прикрыл глаза, пережидая подкатившую к горлу дурноту.

— Гэ, — позвал Ци-Ци.

Наклонившись, он почти коснулся лица Фан Юя, залюбовавшись его резкими, породистыми чертами.

Ци-Ци повидал немало холеных, статусных мужчин, но такие, как Фан Юй, встречались редко. Молодой, успешный, он казался неисправимым повесой, но этот лоск был обманчив. За весь вечер тот лишь пару раз мимоходом коснулся его щеки — и больше ничего, отчего парень невольно начал сомневаться в собственной привлекательности.

— Давай я помогу тебе принять душ? — вкрадчиво прошептал Ци-Ци.

Его тонкие бледные пальцы скользнули по шее Фан Юя и, подобно гибкой змее, забрались под воротник, принимаясь медленно расстегивать пуговицы на рубашке.

Хмель из головы Фан Юя выветрился в одно мгновение. Слишком приторный, вкрадчивый шепот у самого уха и холодное прикосновение к коже едва не вызвали вполне однозначную реакцию. Вовремя спохватившись, он окончательно пришел в себя. Вскинув руку, он прижал ладонь ко лбу, закрываясь от режущего глаза света люстры.

— Уходи, — хрипло выговорил Фан Юй, сам удивившись тому, как низко и глухо прозвучал его голос.

— Что? — Ци-Ци опешил, решив, что ослышался, однако слова Фан Юя прозвучали вполне разборчиво. — Гэ, ты о чем?

Парень растерялся. В его глазах мелькнула обида, смешанная со злостью, и он уставился на приоткрытые губы мужчины.

Ему еще никто не отказывал — обычно он сам выбирал, с кем провести ночь. Подобный афронт

задел его за живое: если об этом пронюхают, как ему потом показываться на глаза завсегдатаям «Лазурного моря и облачного неба»?

Убрав руку от лица, Фан Юй свободно раскинул локти по спинке дивана. Он полулежал, вытянув ноги вперед, и снизу вверх смотрел на застывшего перед ним юношу. Поза была расслабленной, даже уязвимой, но в глазах мужчины не осталось ни капли вождения — он смотрел холодно и ясно, как застывшая вода. От хмельного угара не осталось и следа. Распахнутая рубашка обнажала крепкую грудь, а в воздухе отчетливо ощущался тяжелый аромат дорогого парфюма и зрелой мужской притягательности.

Под его пристальным взглядом Ци-Ци простоял несколько секунд, остро ощутив всю неловкость своего положения. Он навязывался, и это выглядело жалко. Желание не угасло, но гордость не позволяла продолжать эту унижительную сцену. Разозлившись на себя и на весь мир, он резко развернулся и, шумно дыша от обиды, вылетел из номера.

В шесть утра Фан Юя разбудили внутренние часы. Он попытался пошевелиться, но плечи затекли так, что тупая боль волной покатила к затылку. Открыв глаза, он понял, что проспал около четырех часов прямо поверх покрывала — в одежде, обуви и без одеяла. Наскоро умывшись, он решил заскочить к себе на квартиру, а уже после обеда съездить на виллу в Западных горах, провести деда с внуком.

Выйдя из дверей отеля «Лазурное море и облачное небо», Фан Юй неожиданно столкнулся с Фу Цзяньси. Парень уже переоделся в повседневную одежду и, оседлав свой уморительный электроскутер «Маленький Король Черепах», увлеченно с кем-то разговаривал по телефону. Потянувшись, он достал сигарету, щелкнул зажигалкой и отошел чуть в сторону от дверей, не сводя глаз с юноши.

Хороша все-таки юность: какой ракурс ни выбери — во всем бьет ключом жизнь. Даже на этот нелепый мопед парень ухитрился взгромоздиться с таким видом, будто оседлал боевого скакуна перед решающей битвой.

Его «Маленький Король Черепах», по меткому выражению Линь Буй, выглядел запредельно инфантильно. «Здоровый парень под метр девяносто, а катаешься на этой игрушке. Даже для того, чтобы строить из себя милашку, должен быть предел!» — ворчала она.

— Да понял я, понял, сестрица, не тарахти ты так! — страдальчески протянул в трубку Фу Цзяньси. — Без ферментированного тофу, без соуса из черемши, без чеснока, без... Слышь, а на хрена тебе вообще соевый пудинг, если ты из него все убираешь? Взяла бы просто пустую тарелку!

С этими словами он сбросил вызов, убрал ноги с асфальта и придал скутеру устойчивость. Затем стянул бейсболку и лихо натянул ее козырьком назад. После тяжелой смены глаза слипались, и плотная ткань, нависающая над лбом, мешала следить за дорогой. Мартовский утренний ветер все еще кусался. Ездить совсем без шапки парень опасался — не хватало еще застудить нерв и получить перекос лица на всю оставшуюся жизнь. Никто в этом мире не берет

свое здоровье так истово, как он. Молодой ведь, красивый — жалко терять такой экстерьер.

Любуясь собой, он скосил глаза на круглое зеркало заднего вида.

«Мать твоя женщина, а это еще кто?»

Ба! Знакомые все лица. Судя по всему, вчерашний барин соизволил остаться на ночь. Впрочем, чему тут удивляться? Вчера он так нежно прижимал к себе хрупкого Ци-Ци, что уйти без продолжения банкета было бы просто преступлением против природы.

Развернув мопед, Цзяньси устроился поудобнее на сиденье и вскинул подбородок, поймав прямой, без капли стеснения взгляд Фан Юя. Тот по-прежнему стоял на крыльце, лениво посасывая сигарету и засунув руки в карманы брюк.

«Ну и аппетит у мужика, — хмыкнул про себя парень. — Только-только от кормушки отвалился, а уже косится на свежатину? То ли здоровья вагон, то ли страх совсем потерял».

Фан Юй заметил, что мопед покатился в его сторону, но притормаживать наездник явно не планировал. Тогда он негромко, но веско окликнул его:

— Эй! — голос прозвучал отчетливо и гулко, прорезав утреннюю тишину.

Цзяньси мысленно чертыхнулся. Если он сейчас задержится, у палатки с завтраками выстроится такая очередь, что соевого пудинга ему точно не достанется.

— Ну что, барин, сладко ли почивать изволили? — затараторил Цзяньси, натянув на лицо самую приторную из своих дежурных улыбочек. — Всем ли довольны остались? Если сервис не пришелся по вкусу, милости просим к стойке администрации, жалобную книгу вам в руки. — В следующую секунду вежливость с его лица смыло, как не бывало. — А теперь усе, моя смена кончилась. Недосуг мне тут с тобой пыль глотать. Иди-ка ты лесом, уважаемый.

Прежде чем Фан Юй успел хоть что-то сообразить или выплюнуть зажатую в зубах сигарету, электромотор взвизгнул, и юркий скутер стрелой умчался прочь.

Проводив взглядом исчезнувшего за поворотом наездника, Фан Юй затаился. В его глазах заплясали веселые искорки.

«Фу Цзяньси, Фу Цзяньси...» — мысленно примерил он к губам это имя.

Ему уже чертовски давно не хотелось подойти к кому-то поближе. Все знакомые в один голос твердили, что Фан Юй — тертый калач и записной бабник, не пропускающий ни одной юбки. Так ли это? Пожалуй, да. Вот только никто не знал, что он предпочитает лишь любоваться

садом, не срывая цветов.

Впрочем, кто, черт возьми, поверит в такое благородство?

Ветер нещадно трепал куртку Цзяньси, пробирая до самых костей. В кармане настырно завибрировал телефон. Отвечать не хотелось — парень упрямо крутил ручку газа, надеясь успеть к прилавку до того, как сонные горожане оккупируют пятачок у палатки.

На набережной Циньхэ вовсю кипела жизнь: любители ранних пробежек и скандинавской ходьбы высыпали на дорожки целыми отрядами. Цзяньси предусмотрительно сбросил скорость. Пожилые люди — народ хрупкий, зацепишь ненароком такого пенсионера, и проблем потом не оберешься.

Ему и без того хватало головной боли из-за папаши, Фу Тяньюя, который не подавал вестей уже несколько лет, а теперь вдруг решил напомнить о себе.

— Шеф, мне одну порцию паровых пельменей со шпинатом и креветками, пару хворостин-ютяо, порцию рисовой каши с консервированными яйцами и два соевых пудинга. Приправы я сам добавлю, — закричал Цзяньси хозяину заведения, едва заглушив мотор мопеда.

— Сделаем, малый, обожди малость! — донесся ответ. Пожилой повар выловил шумовкой последнюю партию золотистого теста из кипящего масла и скрылся в недрах кухни.

Припарковав скутер, Цзяньси выудил из кармана мобильник. На экране светился пропущенный от Дацзяня. Странно, разве этот оболтус не должен быть сейчас на каком-то модном показе?

— Да, — ответил он на звонок.

— Я у твоих дверей. Купи пожрать и дуй домой побыстрее, я тут дуба дам! — донесся из динамика жалобный скулеж.

По унылому, зауспокойному голосу друга Цзяньси сразу понял: Дацзянь либо всю ночь кутил в клубе, либо его в очередной раз бросили. Объяснения были излишни. У Цзяньси было всего двое близких друзей — Линь Буюй и Хэ Цзянь, которого все звали просто Дацзянем. Они знали друг друга с пеленок, так что никаких тайн между ними не водилось в принципе.

Дацзянь без зазрения совести хвастался, что знает размер нижнего белья их общей «Королевы» Линь Буюй. Та в долгу не оставалась и парировала, что ей до последнего миллиметра известны габариты мужского достоинства самого Дацзяня.

Цзяньси давно подмывало напомнить этим двоим, что их анатомические познания основывались на воспоминаниях из глубокого детства, когда они еще бегали голышом под

столом, но спорить с ними было себе дороже.

— Хозяин, докинь еще один пудинг и парочку ютяо! — крикнул Цзяньси, заказывая порцию на долю нежданного гостя.

Дорога до дома заняла от силы минут пять. Подкатив прямо к подъезду Линь Буюй, Цзяньси зычно крикнул в сторону своего двора:

— Дацзянь, принимай груз!

На зов выползло нечто помятое и замученное. Хэ Цзянь волочил ноги так тяжело, будто за ним тянулся невидимый шлейф вселенской скорби.

— Ну и видок у тебя, чучело, — раздался звонкий девичий голос.

Из дверей своего дома показалась Линь Буюй. Проходя мимо несчастного, она дружески хлопнула его по спине. Дацзянь, и без того едва державшийся на ногах, тут же плашмя рухнул на каменный стол в центре двора.

— Подвинься, дай еду разложить. Где тебя черти носили? — проворчал Цзяньси, выгружая дымящиеся свертки на каменную столешницу.

Буюй деловито принялась расставлять плошки и тарелки.

— Выкладывай, горемычный: опять баба бросила или сам напортачил? Если надо, могу изобразить твою пессию на пару часов — чисто перед пацанами авторитет поднять, — предложила она, бесцеремонно сдвигая безжизненные руки Дацзяня со стола.

Дацзянь в ответ лишь вяло приподнял руку и показал большой палец — жест одобрения и немого восхищения ее великодушием.

— Батюшки, Дацзянь! Стол-то ледяной, застудишься так с утра пораньше! — всплеснула руками бабушка Линь, показавшись на пороге дома.

Цзяньси и Буюй синхронно пнули страдальца под столом. Тот нехотя принял вертикальное положение и тут же расплылся в образцово-почтительной улыбке:

— Доброе утро, бабуля!

В семь утра компания дружно уплетала горячий завтрак в тени двора под мерное ворчание старушки, которая перескакивала с темы на тему со скоростью степного ветра:

— В обед рыбу пожарю, чтобы все были как штык!

— Электричество на исходе, прогуляйтесь-ка до конторы ТСЖ, закиньте денег на карту.

— Цзяньси, у тебя гибискус совсем зачах, подкормить бы надо.

— Видала вчера у деда Ли костюм для танцев — загляденье! Внученька, раздобудь бабушке такой же, а?

Покончив с едой, троица перебралась в дом Фу Цзяньси.

— Ну, колись, — потребовал хозяин жилья, разуваясь в прихожей и косясь на понурую фигуру Хэ Цзяня. Тот выглядел так, словно у него только что отобрали последний кусок хлеба.

— Точно что-то неладно, — поддакнула шедшая следом Буюй.

— Жизнь — тлен... — простонал Дацзянь. Даже не обув тапочки, он доплелся до гостиной и замертво рухнул лицом в диванные подушки. — Я банкрот... Всё, несите белые тапки...

— И из-за этого столько драмы? — хмыкнула Линь Буюй, направляясь к холодильнику за пакетом сока.

— Твою ж мать... — вздохнул Цзяньси. Значит, дело действительно в финансах. — погоди, а как же показ? Ты ведь должен был на выходных на подиум выходить?

Парень набрал воды в лейку и принялся методично обходить свои цветочные горшки на подоконнике. Буюй устроилась у кофейного столика, деловито общипывая сухие листья с раскидистого сциндапсуса.

— От показа сам отказался, решил попробовать пробиться на съемки для журнала. В итоге там меня завернули, показ уже уплыл, а агент вдобавок смешал с грязью, — глухо пробормотал Дацзянь, не поднимая головы от подушки.

— А-а, теперь понятно, чего ты так раскис. Денежки поплыли, — язвительно протянула Буюй.

— Вот тебе наглядный урок: не пытайся усидеть на двух стульях сразу, задница треснет.

Не успела она закончить мысль, как Дацзянь, не меняя позы, молча ткнул в ее сторону средний палец.

— Ого, да ты сегодня на редкость отважен, — сощурилась девушка и мертвой хваткой вцепилась ему в бок, щекоча чувствительное место на талии.

— А-а-а! Сгинь, нечистая сила! Спасите! — взывл парень, тщетно пытаясь увернуться.

— Ну давай, покажи мне, кто тут нечисть! — Буюй лихо запрыгнула на диван, оседлала несчастного и принялась нещадно тузить его диванной подушкой.

Отпахав десятичасовую ночную смену, Цзяньси чувствовал себя живым мертвецом. Даже эти дикие вопли, больше напоминающие визг недорезанного поросенка, не могли расшевелить его засыпающий мозг. Впрочем, слушая привычную перепалку друзей, он невольно улыбнулся: дом сразу наполнился уютным теплом и жизнью.

Судя по всему, Дацзянь твердо вознамерился переждать бурю здесь. Вернись он сейчас домой, мать за потерю гонорара с него бы три шкуры спустила — «не прибьет, так покалечит», как частенько говаривал сам парень. Семья у него жила небогато: отец после тяжелой производственной травмы оказался прикован к постели, мать перебивалась случайными заработками. Поднять сына на ноги стоило ей нечеловеческих усилий, но эти же трудности превратили женщину в заправскую скрягу, трясущуюся над каждой копеечкой.

Все трое были сверстниками, первокурсниками разных вузов. Фу Цзяньси поступил в Академию художеств на отделение масляной живописи, Дацзянь выбрал дикторское искусство в Академии кинематографа, а Линь Буюй грызла гранит науки на факультете французского языка в инязе. Разъехавшись по разным учебным заведениям, друзья поначалу едва ли не плакали от счастья. Еще бы: с первого класса и до выпускного они, точно сиамские близнецы, учились в одной школе и сидели в одном кабинете. Целых двенадцать лет непрерывного шума, гама и взаимных подколов.

На первом этаже дома Цзяньси обустроил две спальни, одну из которых давно закрепили за наезжающим время от времени Дацзянем. Оставив неугомонную парочку беситься в гостиной, хозяин поднялся на второй этаж, наскоро ополоснулся в душе и рухнул в постель. Сон сморил его мгновенно. Так проходили его выходные вот уже целый год: ночная смена на износ, дневное забытие в подушках.

Однообразно, утомительно, но у него просто не было другого выбора.

<http://bllate.org/book/18325/1758295>